КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В РЕШЕНИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

КРОТОВ Андрей Владиславович, докторант Южного федерального университета, кандидат юридических наук
344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88
E-mail: pravonnov@yandex.ru

Актуальность статьи связана с формированием и развитием концепции «широкого» толкования права на частную жизнь, что находит выражение в зарубежном и отечественном праве, оказывает влияние на особенности современного правового регулирования частной жизни.

Целью статьи является исследование способов модернизации (в частности, конституционализации) права на частную жизнь и их отражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, для чего автором была изучена специфика становления отечественного права на частную жизнь, проведен анализ конституционализации права на частную жизнь в зарубежных странах (на примере Французской Республики), исследовано содержание решений Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к правовому регулированию частной жизни. Анализируя процессы становления и развития права на частную жизнь в России и Франции, опираясь на решения Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, автором формулируется понятие конституционализации права на частную жизнь, определяется содержание «широкой» концепции права на частную жизнь, выделен основной вектор эволюционирования права на частную жизнь, что приводит к существенному расширению области частной жизни, регулируемой посредством права (замещение социальных регуляторов нормами права). Отмечается особая роль Конституционного Суда Российской Федерации в указанных процессах, который выполняет в данном случае роль генератора новых, позитивных начал в области правового регулирования частной жизни, расширяя сферу воздействия права на частную жизнь.

Ключевые слова: концепция «широкого» толкования права на частную жизнь, решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционализация права на частную жизнь, конституционализация права на частную жизнь во Франции, толкование права на частную жизнь в решениях Европейского суда по правам человека.

CONSTITUTIONALIZATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE DECISIONS OF THE BODIES OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

A. V. KROTOV, doctoral candidate of the Southern Federal University, candidate of legal sciences
88, M. Gorky st., Rostov-on-Don, Russia, 344002
E-mail: pravonnov@yandex.ru

The relevance of the article is connected with the formation and development of the concept of "broad" interpretation of the right to private life, which finds expression both in foreign and domestic law, the influence of this concept on the particularities of modern legal regulation of private life.

The purpose of the article is to study the ways of modernization (in particular, such an instrument as constitutionalization) of the right to privacy, the reflection of these processes in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, for which the author studied the specifics of the formation of the national right to private life, analyzed the constitutionality of the right to privacy in foreign countries (on the example of the French Republic), the content of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation relating to the legal regulation of private life was examined. Analyzing the processes of formation and development of the right to privacy in Russia and the French Republic, based on the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the author defines the concept of "constitutionalization" of the right to privacy, the content of the "broad" concept of the right to privacy, there is a basic vector of the evolution of the right to private life (into complex law, which includes both negative and positive elements), which ultimately leads to a significantly extension of private life, regulated by law (the replacement of social regulators: morality, religion, and other rules of law). At the same time, the special role of the Constitutional Court of the Russian Federation in these processes is highlighted, which fulfills in this case the role of a generator of new, positive principles in the field of legal regulation of private life, expanding the scope of the right to privacy.

Keywords: concept of “broad” interpretation of the right to privacy, decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutionalization of the right to privacy, constitutionalization of the right to privacy in the French Republic, interpretation of the right to privacy in the decisions of the European Court of Human Rights.

DOI: 10.12737/art.2018.2.1

Право среди иных социальных регуляторов (норм морали, религии, обычаев и проч.) занимает особое место, выполняя, как писал П. А. Сорокин, «дрессирующую» роль («путем дрессирующего влияния права можно привить обычаи, как дурные и общественно вредные, так и хорошие, общественно полезные»¹), право является «живым организмом, который растет, дышит и развивается как неотъемлемая составная часть жизни общества вместе с самим обслуживаемым им обществом»².

Эффективность (действенность) права во многом зависит от характера отражения правом существующей реальности. Д. А. Керимов отмечает, что «система правовых категорий окажется действенной лишь в том случае, если она не просто пассивно отражает реальность и основывается на органическом единстве, противоречивом тождестве, взаимопроникновении объективного и субъективного, но и — что не менее важно — с опережением отражает существующую реальность. Правосознание, правотворчество, право-реализация в состоянии интенсивно преобразовывать действительность только тогда, когда закрепляет не только то, что есть, но и то, что должно быть. В этом и состоит смысл правового регулирования, позволяющего направить развитие соответствующих общественных отношений в наиболее благоприятное для общества и его членов русло»³.

Действенность права может быть достигнута различными способами (инструментами). В отношении права на частную жизнь могут быть выделены такие средства, как учет особенностей переориентирования функций государства (концепция солидаризма, позитивной свободы и проч.), формирование и развитие «глобального информационного общества», сети «Интернет», всемирное признание права на частную жизнь (в том числе в документах ООН), практически универсальная ратификация ряда международных документов, регламентирующих право на частную жизнь, и проч. (декларативной целью указанных процессов является изменение содержания права на частную жизнь с целью повышения его эффективности, воплощение в содержании права на частную жизнь

концепта «опережения существующей реальности» с целью достижения благоприятного для индивида, общества результата).

Одним из средств повышения эффективности права (его модернизации) является конституционализация, которая, как отмечает Н. С. Бондарь, представляет собой «один из инструментов модернизации российской государственности, предполагающей последовательное решение задач по совершенствованию, обновлению и повышению эффективности всех основных институтов (государства) на основе системной реализации конституционных ценностей, норм и принципов организации и функционирования всех ветвей государственной власти»⁴. При этом Н. С. Бондарем подчеркивается, что «происходит также и обратное влияние профильного (в частности, социально-экономического) развития общества на конституционную систему государственности и ее отдельные институты, на всю систему демократической организации политической власти»⁵, процессы конституционализации в современном обществе (глобальном информационном обществе) предполагают наличие сложной системы, компоненты которой взаимосвязаны и взаимозависимы как между собой, так и с предметом воздействия, в рассматриваемом нами случае — сферой частной жизни.

В настоящее время как отечественными, так и зарубежными исследователями не выработано единого (бесспорного) определения инструмента конституционализации в отношении права на частную жизнь. С учетом специфики указанной области правового регулирования мы выделяем следующие формы конституционализации права на частную жизнь:

конституционализация, подразумевающая формирование и сознательное создание норм, регулирующих право на частную жизнь в международном и европейском праве. Такие нормы выполняют ряд типично конституционных функций (например, нормативно-директивную функцию (normative Leitfunktion), функцию символа и идентификации (Symbol- und Identifikationsfunktion)⁶ и проч.), оказывают влияние на правовое

¹ Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Социальные функции права (основные общественные функции права). Хрестоматия по теории государства и права / под общ. ред. И. И. Лизиковой. М., 2009. С. 519.

² Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие. М., 2001. С. 28.

³ Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М., 2001. С. 101.

⁴ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. М., 2015. № 5. С. 9—23.

⁵ Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М., 2006. С. 15—20.

⁶ См.: Peters A. Rechtsordnungen und Konstitutionalisierung: Zur Neubestimmung der Verhältnisse // Zeitschrift für öffentliches Recht. 2010. Nr. 65.

регулирование частной жизни в национальном праве, при этом воздействие оказывается как путем интернационализации, так и посредством правовой интеграции. В отечественном праве целесообразно также указать на особую роль Конституционного Суда, который в данном формате играет роль своеобразного «проводника» международного права во внутригосударственное правовое поле⁷;

конституционализация, подразумевающая модернизацию соответствующих правовых норм в результате влияния национальных конституционных норм и деятельности Конституционного Суда РФ, который выступает генератором новых, дополнительных нормативных элементов в области правового регулирования частной жизни;

конституционализация, подразумевающая модернизацию содержания конституционно-правовых норм в связи с изменением условий жизнедеятельности общества (развитием технологий, изменением культурных ориентиров и проч.), например, включение в область конституционно-правового регулирования процессов оборота информации о частной жизни лица в сети «Интернет» (в том числе фотографий индивида и т. п.), что связано с техническим прогрессом общества (созданием и развитием сети «Интернет», увеличением числа пользователей Сети), актуализацией проблематики оборота информации в электронной форме и прочими условиями и повлекло расширение спектра элементов, регламентированных правом на частную жизнь, скорректировав его содержание, способствовал его развитию.

Вышеуказанные процессы предполагают изменение и содержания законодательства (включая такие отрасли права, как гражданское, информационное, административное и др.), и области частной жизни (ее элементов) как особой сферы социальной деятельности.

Модернизация правового регулирования частной жизни связана непосредственно с формированием и развитием «широкой» концепции права на частную жизнь.

Современное конституционное право по критерию объемов предметов регулирования различает несколько моделей конституционного регулирования права частной жизни: 1) конституции государств, в которых зафиксирована общая норма о праве на неприкосновенность частной жизни, а также закреплены право на неприкосновенность жилища и некоторые иные элементы (аспекты, правомочия) права на частную жизнь (в качестве сложносоставного); 2) конституции, где общая формулировка о праве на непри-

косновенность частной жизни отсутствует, но содержатся нормы, формулирующие отдельные элементы (аспекты) права частной жизни: право на неприкосновенность жилища, право на семью, право на защиту и охрану информации о частной жизни; 3) конституции, в которых правовому регулированию подвергнута непосредственно частная жизнь (а не ее элементы, например, неприкосновенность).

На момент принятия Конституции РФ 1993 г., содержащей модель конституционного регулирования права частной жизни в виде фиксации общей нормы о неприкосновенности частной жизни (модель № 1 конституционно-правового регулирования), в зарубежных странах уже была сформулирована концепция «широкого» толкования права на частную жизнь.

1. Формирование концепции «широкого» толкования права на частную жизнь на примере Французской Республики. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Европейского суда по правам человека. Модернизация права на неприкосновенность частной жизни (доминировавшего в XVIII—XIX вв.) происходила поэтапно. Отмечая особенности правового регулирования частной жизни во Франции, профессор Ж. Л. Халперин⁸ пишет, что во Франции традиционно первым источником права на частную жизнь (действующим и поныне) считается Закон о печати 1881 г., где частная жизнь увязывается с нормативно-правовым понятием чести. Американская концепция *privacy* рассматривается ученым как попытка адаптации французской доктрины к американскому праву (что связано с общей тенденцией ориентирования права — защита от вмешательства государства). Учитывая «первичность» французской концепции права на частную жизнь (по отношению к американской доктрине *privacy*, оказывавшей существенное влияние на содержание отечественного права на частную жизнь), а также то, что французское право относится к романо-германской правовой системе (как и отечественное право), исследование процессов конституционализации права на частную жизнь во Франции представляется наиболее обоснованным в контексте дальнейшего изучения особенностей развития российского права на частную жизнь.

Как пишет председатель Конституционного совета Франции П. Мазеауд⁹, активное дискутирование проблематики права частной жизни во Франции бы-

⁷ См.: Овсепян Ж. И. Методологическая природа предназначения науки и отрасли конституционного права и практики конституционализма в общей системе отраслей права, юридической науки и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1. С. 56—63.

⁸ См.: Halpérin J.-L. Protection de la vie privée et privacy: deux traditions juridiques différentes? // Les Nouveaux Cahiers du Conseil Constitutionnel. 2015. No. 48. P. 59 à 68. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-48/protection-de-la-vie-privee-et-privacy-deux-traditions-juridiques-differentes.143876.html> (дата обращения: 29.09.2017).

⁹ См.: Mazeaud P. Libertés et ordre public. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/>

ло инициировано при обсуждении текста Конституции 1791 г., в ходе разрешения вопроса о гарантиях и ограничениях свободы печати (термин «частная жизнь» был упомянут в ст. 17 главы пятой Конституции 1791 г.). В современном понимании понятие «частная жизнь» не было известно французскому праву XVIII—XIX вв., оно сочеталось (вписывалось) в тексты законов, относящихся к понятиям оскорбления и клеветы, чести (в 1776 г. адвокат Dageau под клеветой понимал термин, определяющий наличие ущерба репутации).

27 апреля 1819 г. адвокат Royer-Collard в дебатах относительно регулирования свободы прессы сформулировал наличие различий ответственности за клевету и использование при этом информации о частной жизни в отношении публичных или частных лиц.

Указанная практика (трактовка права на частную жизнь в качестве элемента клеветы) впервые подверглась изменению в 1874 г., когда в судебном решении нарушением права на частную жизнь было признано распространение информации, хотя и не являвшейся клеветой и оскорблением, но содержащей сведения о деятельности граждан внутри определенной области (в доме) (с учетом временных рамок, до создания американской концепции *privacy*). Непосредственно право на неприкосновенность частной жизни впервые появилось в ст. 9 Гражданского кодекса Франции в соответствии с Законом от 17 июля 1970 г. Предпосылками формирования широкой трактовки права на частную жизнь стало содержание ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., а также судебная практика, использующая термин «право на уважение частной жизни», с учетом чего конституционализация права на частную жизнь во Франции стала неизбежна, что позволило обеспечить индивидуальное развитие личности. Начало конституционализации права на частную жизнь в судебной практике Конституционного совета Франции произошло в 1977 г. — в решении о досмотре транспортных средств тайна частной жизни была признана в качестве элемента свободы личности. В 1999 г. Конституционный совет Франции в решении относительно закона о создании всеобщего медицинского страхования указал, что право на неприкосновенность частной жизни основано на ст. 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., где упоминается: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (соответственно, право на уважение частной жизни является естественным и неотчуждаемым правом, базисом которого является свобода человека). Свобода, в свою очередь, подразумевает уважение к частной жизни, отсюда следует и вывод о трактовке права на частную жизнь

в качестве конституционного. Сформулированное Конституционным советом Франции понятие «личной свободы» (свобода приходить и уходить, свобода вступления в брак и проч.) стало базисом права на частную жизнь, подтвердив окончательное формирование концепции «широкого» толкования права на частную жизнь.

В настоящее время Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своих решениях также придерживается концепции «широкого» толкования права на частную жизнь (внимание на это обращает ряд авторов, в частности Е. Г. Тарло¹⁰). Так, ЕСПЧ в качестве элементов сложносоставного права на частную жизнь выделяет следующие права: право на создание семьи и общение с членами семьи, материнство и суррогатное материнство, усыновление (постановления от 30 июня 2015 г.¹¹, от 5 марта 2015 г.¹², от 27 января 2015 г.¹³); право на сохранение в тайне информации о частной жизни, в том числе в ходе обмена информацией по различным каналам (постановления от 3 февраля 2015 г.¹⁴, от 15 января 2015 г.¹⁵); право на физическую целостность после смерти (постановление от 13 января 2015 г.¹⁶); право на жилище (как необходимая составляющая в целях формирования частной жизни места обеспечения моральной и физической неприкосновенности субъекта) (постановление от 2 октября 2014 г.¹⁷); право на смену персональных данных (постановление от 5 декабря 2013 г.¹⁸); право на защиту интимных аспектов жизни, включая право на защиту от сексуальных домогательств (постановление от 12 ноября 2013 г.¹⁹), пра-

¹⁰ См.: Тарло Е. Г. Право на частную жизнь в России // Закон. 2007. № 3. С. 163—166.

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 30 июня 2015 г. (№ 41418/04) по делу «Хорошенко против Российской Федерации (Khoroshenko v. Russia)».

¹² Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2015 г. (№ 28718/09) по делу «Котий против Украины (Kotiy v. Ukraine)».

¹³ Постановление ЕСПЧ от 27 января 2015 г. (жалоба № 25358/12) по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии (Paradiso and Campanelli v. Italy)».

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2015 г. (№ 22765/12) по делу «Апосту против Румынии (Apostu v. Romania)».

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 15 января 2015 г. (№ 68955/11) по делу «Драгоевич против Хорватии (Dragojevic v. Croatia)».

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 13 января 2015 г. (жалоба № 61243/08) по делу «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики».

¹⁷ Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2014 г. (жалоба № 4261/04) по делу «Мисан (Misan) против Российской Федерации».

¹⁸ Постановление ЕСПЧ от 5 декабря 2013 г. (жалоба № 32265/10) по делу «Анри Кисмун (Henry Kismoun) против Франции».

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 12 ноября 2013 г. (жалоба № 5786/08) по делу «Седерман (Soderman) против Швеции».

во на половую самоидентификацию (постановления от 21 октября 2010 г.²⁰, от 22 января 2008 г.²¹), право на смену половой принадлежности (постановление от 10 марта 2015 г.²²).

2. Особенности формирования концепции «широкого» толкования права на частную жизнь в России. Процесс формирования «широкого» толкования права частной жизни (отказ от восприятия права на частную жизнь как выраженного негативного права, направленного на обеспечение запрета со стороны иных лиц на вторжение в область частной жизни индивида, осознание права частной жизни в качестве системы прав и правомочий, образованных на основе конституционных прав, являющихся по их юридической природе как позитивными, так и негативными, целью которых является реализация свободы индивидуализации (персонификации) жизнедеятельности индивида) в России был инициирован практически незамедлительно с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Отметим, что в отечественной системе права конституционное право на частную жизнь является определенным юридическим феноменом, что связано с особенностями развития Российского государства, где идеи либерализма, демократического государственного устройства, правового, социального государства, отраженные в тексте Конституции России 1993 г., коррелировались с последствиями как советского периода развития России (превалирование интересов коллектива над интересами личности, формирование определенного советского образа жизни, где «главными ценностями являлись коллективизм и товарищество, сплоченность»²³), так и определенной самобытности русской культуры. В условиях доминирования идей патернализма частная жизнь индивида всегда была предметом подозрения, чем-то недостойным высокого назначения человека как частицы общности, к которой он принадлежит. Предполагалось, что индивид не должен во имя сохранения общества и государства, их жизнеспособности претендовать на права. Отмечая указанные особенности, Е. А. Лукашева пишет: «В российской культуре, в отличие от западной, никогда не существовало понятия индивидуального в западном значении индивидуализма. Полнота индивидуального достигалась в обретении его целостности с коллективным, социальным, а не в автономии-

зации и диктатуре личности»²⁴, что в итоге привело к неоднозначному восприятию процессов частной жизни в российском обществе. Подчеркивая специфику и трудности развития отечественного права на частную жизнь, О. А. Попандопуло, в частности, отмечает: «С одной стороны (в российском обществе), доминантой выступает ориентация на индивидуализм, гражданские свободы и экономическое неравенство, с другой — на коллективизм, этатизм, социальное равенство и эгалитарную справедливость. Желание содействовать общественным преобразованиям сочетается как с активной критикой правового состояния общества, так и с социальной пассивностью и безразличием к трансформационным общественно-правовым процессам»²⁵.

Впервые в истории России непосредственно право на частную жизнь (в негативной форме, право на неприкосновенность частной жизни) было включено в ст. 9 текста Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г., в Конституции РСФСР право на частную жизнь (неприкосновенность частной жизни) появилось с принятием Закона РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (ст. 40).

В свою очередь, действующая Конституция России 1993 г. практически полностью (в части правового регулирования частной жизни) воспроизвела содержание Закона РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-I, в ст. 23 Конституции содержится право на частную жизнь, основанное на негативной трактовке свободы, субъект права на частную жизнь в такой конструкции имеет право требовать от иных лиц (в том числе от государства) обеспечения неприкосновенности его частной жизни, а государство содействует обеспечению такой неприкосновенности (по сути, скопировано содержание американской концепции *privacy*).

Указанное содержание ст. 23 Конституции РФ не является «непреодолимым препятствием», предвещающим «узкое» толкование права на частную жизнь (в качестве негативного). Как справедливо отмечается в научной литературе, «если какое-либо основное право человека не вошло в конституцию государства (в содержание объективного права), то оно должно быть признано в данном государстве независимо от его конституционного закрепления. Приоритет общепризнанных принципов и норм международного права по отношению к внутригосударственному в об-

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 21 октября 2010 г. (жалобы № 4916/07, 25924/08 и 14599/09) по делу «Алексеев (Alekseyev) против Российской Федерации».

²¹ Постановление ЕСПЧ от 22 января 2008 г. (жалоба № 43546/02) по делу «Е. В. против Франции».

²² Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2015 г. (№ 14793/08) по делу «Y. Y. против Турции (Y. Y. v. Turkey)».

²³ Брежнев Л. И. Доклад на XXV съезде КПСС. Съезд 25-й. Стенографический отчет. 24 февраля—5 марта 1976 г. М., 1976. С. 113.

²⁴ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002. С. 174.

²⁵ Попандопуло О. А. Правовая социализация личности в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2015. С. 8—15.

ласти прав человека является категорическим императивом международного сообщества... Отсутствие в Конституции РФ прямого закрепления общепризнанного права или свободы человека и гражданина с точки зрения международно-правового стандарта или не всегда тождественное их словесное выражение в Конституции не означают их отрицания (непризнания) или умаления (принижения значения)... Основные права и свободы человека и гражданина не только провозглашаются, они гарантируются государством в своей реализации, охране и защите»²⁶.

Особую роль в процессе увеличения эффективности права (конституционного) выполняет концепция «живой» конституции и «живого» конституционализма, суть которой состоит в возможности модернизации текста конституции под влиянием особенностей общественного развития. Возможности такой модернизации (преобразования) Конституции могут быть реализованы рядом способов: «путем ее официального толкования Конституционным Судом РФ; принятием федеральных конституционных законов и федеральных законов; посредством толкования и нормотворчества со стороны судов общей и арбитражной юрисдикции; путем формирования конституционных обыкновений и обычаев»²⁷. Еще третий Президент США Т. Джефферсон, автор проекта Декларации о независимости США, писал: «Я, разумеется, отнюдь не сторонник частых и не оправданных опытом изменений в законах и конституциях. Я полагаю, что лучше терпеть сравнительно малые их несовершенства. Но я также знаю, что законы и человеческие институты должны идти рука об руку с прогрессом человеческого разума. По мере того как совершаются новые открытия, как открываются новые институты, а обычаи и мнения меняются с изменением обстоятельств, должны развиваться также и институты государства и общества, они также должны идти в ногу со временем»²⁸.

В процессах формирования «широкого» толкования права на частную жизнь особую роль играет Конституционный Суд РФ. Как отмечает Б. С. Эбзеев, «круг гражданских и политических прав, гарантируемых Конституцией (России), соответствует Конвенции о защите прав человека и основных свобод... При этом отказ от патерналистского видения взаимоотношений государства и личности в Конституции Российской Федерации предопределяет место и роль правосудия в конституционной системе: именно судебная власть является главной

гарантией прав человека и гражданина и способом обеспечения их непосредственного действия. Этим обусловлена и тенденция к возрастанию роли суда в упрочении взаимодействия между национальной и международной правовыми системами, в обеспечении все более активного вхождения России в международное правовое пространство, в том числе в правовое поле Европы»²⁹. Соглашаясь с мнением Н. С. Бондаря³⁰, отметим, что орган конституционного контроля (Конституционный Суд) выступает своего рода генератором новых, дополнительных нормативных элементов (в данном случае права на частную жизнь). Без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ как квинтэссенции ценностных начал его решений невозможно в полном объеме представить конституционно-категориальный статус права на частную жизнь.

3. Решения Конституционного Суда РФ в части формирования концепции «широкого» толкования права на частную жизнь. Вопросы правового регулирования частной жизни в том или ином ракурсе неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Решения, вынесенные Конституционным Судом РФ и затрагивающие правовое регулирование частной жизни, возможно классифицировать по следующим признакам (отметим условность приведенной классификации, причиной чему является как взаимосвязь различных элементов права на частную жизнь, так и «проникновение» права на частную жизнь практически во все основные права и свободы):

тайна информации о частной жизни;

конкуренция права на частную жизнь с правом на информацию (свободой информации);

право на частную жизнь семьи;

иные элементы права на частную жизнь.

Рассмотрим наиболее значимые, по нашему мнению, решения.

Тайна информации о частной жизни. Впервые аспекты правового регулирования частной жизни были интерпретированы в решении от 18 декабря 1992 г. № 28-р, где Конституционный Суд указал, что согласно Конституции РФ (речь идет о действовавшей на тот момент Конституции (Основном Законе) Российской Федерации, принятой Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г.) каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Из смысла ст. 40 Конституции, в которой это право закреплено, по мнению Суда, следует, что речь в ней идет о частной жизни лица и, со-

²⁶ Витрук Н. В. Общая теория правового положения. М., 2008. С. 131.

²⁷ Конституционное право и политика: сб. матер. междунар. науч. конф.: Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 28—30 марта 2012 г. / Авакьян С. А., Агапов Д. С., Акуев Н. И. и др.; отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2012. С. 42.

²⁸ Джефферсон Т. О демократии. СПб., 1992. С. 120.

²⁹ Эбзеев Б. С., Чуров В. Е. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М., 2015. С. 25.

³⁰ См.: Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19—31.

ответственно, о частной переписке, частных телефонных переговорах, телеграфных и иных сообщениях.

В постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П Конституционный Суд РФ сделал вывод, что в качестве профессиональной тайны рассматривается информация, которую может получить депутат Совета Федерации, Государственной Думы по роду своей деятельности, недопустимость распространения указанной информации основывается в том числе на положениях ст. 23, 24 Конституции РФ.

Вопрос банковской тайны проанализирован в постановлении КС РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П. Как указал Конституционный Суд, из конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают как право каждого на сохранение в тайне сведений о его банковских счетах и банковских вкладах и иных сведений, виды и объем которых устанавливаются законом, так и соответствующая обязанность банков, иных кредитных организаций хранить банковскую тайну.

В определении КС РФ от 30 сентября 2004 г. № 317-О рассмотрен вопрос о содержании налоговой тайны. Суд, в частности, указал, что в процессе осуществления налоговыми органами Российской Федерации своих функций, установленных Налоговым кодексом РФ и иными федеральными законами, в их распоряжении оказывается значительный объем информации об имущественном состоянии каждого налогоплательщика, распространение которой может причинить ущерб как интересам отдельных граждан, частная жизнь которых является неприкосновенной и охраняется законом, так и юридических лиц, чьи коммерческие и иные интересы могут быть нарушены в случае произвольного распространения в конкурентной или криминальной среде значимой для бизнеса конфиденциальной информации. Поэтому федеральный законодатель предусмотрел ограниченный режим доступа к такой информации путем установления исчерпывающего перечня субъектов, обладающих в силу закона правом обращения к налоговым органам за предоставлением сведений, составляющих налоговую тайну, в указанных в законе целях.

В постановлении КС РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П рассмотрены вопросы обеспечения тайны информации о частной жизни в деятельности адвоката (профессиональная тайна адвокатской деятельности). Суд отметил, что обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, является необходимой составляющей права пользоваться помощью адвоката (защитника) как одного из основных прав человека, признаваемых международно-правовыми нормами; обеспечение такой конфиденциальности гарантируется ст. 23, 24 Конституции РФ.

Конкуренция права на частную жизнь с правом на информацию (свободу информации). Постановление КС РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П было вынесено в связи с рассмотрением дела о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Конституционный Суд указал, что права, закрепленные в ст. 23, 24 и 29 Конституции РФ, обосновывают и обеспечивают в том числе возможность для гражданина требовать предоставления ему собираемых органами государственной власти и их должностными лицами сведений, непосредственно затрагивающих его права и свободы, и тем более касающихся его частной жизни, чести и достоинства. Основания для ограничения указанных прав могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) и должны быть связаны именно с содержанием информации, поскольку иначе они не были бы адекватны конституционно признаваемым целям.

Проблематике распространения информации посредством сети «Интернет» (в том числе содержащей сведения о частной жизни лица) посвящено постановление КС РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П, в котором сделан ряд интересных выводов. Так, Судом, в частности, указано, что реализация права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры (ч. 4, 5 ст. 29 Конституции РФ), — в силу принципа недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушений прав и свобод других лиц как основополагающего условия соблюдения баланса общественных и частных интересов — предполагает следование установлениям Конституции РФ, в том числе гарантирующим каждому в целях охраны достоинства личности право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23) и запрещающим сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24). Эти конституционные установления в полной мере относятся к любой информации — независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и находят отражение в гражданском законодательстве.

Интерес представляет постановление КС РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П, в котором рассматривался вопрос о получении заявителями (членами семьи) информации о частной жизни одного из членов семьи (сведений о его усыновлении). Конституционный Суд указал, что лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение

такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует ст. 24 (ч. 1) Конституции РФ; собирание или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и лишь в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом и в законном порядке собраны, хранятся, используются и могут распространяться. Иное приводило бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни лица, право на неприкосновенность которой гарантируется Конституцией РФ, сужало бы понятие частной жизни и объем гарантий ее защиты.

Право на частную жизнь семьи. В определении от 16 февраля 2006 г. № 63-О Конституционный Суд указал следующее: «Что касается гарантируемого Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1), на нарушение которого указывается в жалобе А. Н. Кузнецова, то оно распространяется на ту сферу жизни, которая относится к отдельному лицу, касается только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит контролю со стороны общества и государства. Лицо, имеющее умысел на совершение особо тяжких или тяжких преступлений, должно предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни. Совершая преступления, оно само сознательно обрекает себя и близких на такие ограничения». В своих выводах Конституционный Суд сослался на решение ЕСПЧ (постановление от 28 мая 1985 г. «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства (Abdulaziz, Cabaleset Balkandali v. United Kingdom)»), подчеркнув, что основная цель ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право каждого на уважение его личной и семейной жизни, состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей, однако, определяя меру наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление, государство не осуществляет самовольное вмешательство в частную жизнь гражданина, а лишь выполняет свою функцию по защите общественных интересов. Обоснование выводов Конституционного Суда РФ ссылкой на постановление ЕСПЧ от 28 мая 1985 г. представляется достаточно спорным³¹, так как в указанном постановлении Суд рассматривал вопрос об уважении права на частную жизнь семьи (а не вопросы, связанные с ограничением прав осужденных).

В постановлении от 31 января 2014 г. № 1-П Конституционный Суд РФ обратил внимание на особую роль институтов семьи, материнства, детства, их роль

в качестве гарантов непрерывной смены поколений, условия сохранения и развития многонационального народа России. Как указал Конституционный Суд РФ, закрепляющая право на уважение частной и семейной жизни ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским судом обязывает национальные власти обеспечивать соблюдение справедливого баланса между конкурирующими интересами и при определении такого баланса особое значение придавать интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей.

Деликатный вопрос изъятия органов (или тканей) умершего человека был затронут в определении КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О. Суд указал, что из предписаний ст. 23 Конституции РФ вытекает и обязанность законодателя обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся его личной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица. Эти же конституционные предписания, исходя из того, что неотъемлемым элементом частной жизни являются родственные и семейные отношения, предполагают необходимость уважительного отношения и создания условий для возможно полного учета мнения ближайших родственников умершего лица по тем вопросам посмертных отношений, по которым мнение самого умершего осталось невыявленным.

Иные элементы права на частную жизнь. Вопросы правового регулирования частной жизни в контексте процессов, связанных с принятием мер в целях защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, были исследованы Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 июня 2012 г. № 15-П. Как указал Суд, модель правового регулирования признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки (существующая в России), не предполагающая учета индивидуальных особенностей конкретной личности и ее потребности в защите, не может рассматриваться как соответствующая современным стандартам прав человека; указанная модель порождает существенные риски и не исключает злоупотреблений и «линейного», упрощенного подхода к принятию решения, что ведет к нарушению требования юридического равенства. Обратим внимание, что Конституционный Суд в указанном постановлении сослался на практику ЕСПЧ, рассматривающего право каждого на уважение его частной и семейной жизни как охватывающее различные аспекты физической и социальной идентичности (под социальной идентичностью понимается результат процесса социальной идентификации, определения себя через членство в социальной группе; физическая идентичность — это определение себя через физическое тело, как биологического существа, иными словами, мы в данном слу-

³¹ См.: Гомиен Д. Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека. Совет Европы, 2000. С. 114.

чае имеем дело с персонализацией физических и социальных характеристик индивида), включая право на личную автономию, личное развитие, право устанавливать и развивать отношения с другими людьми или внешним миром (постановление от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства»).

Интересна позиция Конституционного Суда в определении от 9 июня 2015 г. № 1275-О, где Суд указал, что медицинская информация, непосредственно касающаяся не самого гражданина, а его умерших близких (родственника, супруга и т. д.), как связанная с памятью о дорогих ему людях, может представлять для него не меньшую важность, чем сведения о нем самом, а потому отказ в ее получении, особенно в тех случаях, когда наличие такой информации помогло бы внести ясность в обстоятельства их смерти, существенно затрагивает его права — как имущественные, так и личные неимущественные. В указанном определении Суд также усилил свою позицию ссылкой на практику ЕСПЧ, который, обосновывая выводы положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, считает в принципе допустимым разглашение информации, составляющей врачебную тайну, третьим лицам при условии, что причины, обосновывающие такое вмешательство в тайну частной жизни, являются убедительными и достаточными, а предпринимаемые меры — пропорциональными преследуемой законной цели.

В постановлении от 17 февраля 2016 г. № 5-П Конституционный Суд, признав неконституционными положения ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ, в частности, указал, что ЕСПЧ, который в практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод ориентируется на то, что ее положения не гарантируют иностранным гражданам право проживать в определенной стране и не быть высланным из нее и что лежащая на государстве ответственность за обеспечение публичного порядка обязывает его контролировать пребывание иностранных граждан на своей территории, тем не менее полагает, что решения в этой сфере, поскольку они могут нарушить право на уважение частной и семейной жизни, охраняемое в демократическом обществе ст. 8 Конвенции, должны быть оправданы насущной социальной необходимостью и отвечать правомерной цели.

Анализ содержания решений Конституционного Суда РФ позволил прийти к выводу, что в настоящее время происходит поступательное движение от «негативного» конституционного статуса права на частную жизнь (право на неприкосновенность частной жизни), изначально закрепленного в тексте национальной конституции, в сторону усиления позитивных нормативных начал.

Центральным элементом права на частную жизнь в ряде решений Конституционного Суда выступает информация о частной жизни. Суд, как правило, рассма-

тривает указанную информацию в контексте различного вида профессиональных тайн, выявляя наличие информации о частной жизни в банковской, налоговой, адвокатской, врачебной тайне, при этом суд отмечает наличие взаимосвязи и взаимодействия в указанных категориях области публичного и частного права.

В то же время с учетом факторов технологического прогресса, усложнения коммуникативных связей Конституционный Суд в своих решениях также разрешает вопросы, связанные с оборотом информации о частной жизни лица в сети «Интернет», рассматривает проблематику конкуренции права на частную жизнь и права на информацию (свободу информации) в киберпространстве.

Посредством решений Конституционного Суда поставлена под правовую охрану и защиту частная жизнь лица после его смерти, в область правового регулирования включены права и интересы членов семьи и др. По сути, в настоящее время процесс развития отечественного права на частную жизнь во многом аналогичен вектору эволюционирования права на частную жизнь за рубежом (что подтверждается анализом решений ЕСПЧ, Конституционного совета Франции и проч.).

В указанном контексте обратим внимание на мнение Н. С. Бондаря: «Конституционный Суд не только призван обеспечивать достижение баланса власти и свободы, создавать условия для конституционно-правовой оптимизации публичной власти и повышать с помощью имеющихся в его распоряжении специфических средств конституционного контроля эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина и их реализации, но Суд играет активную роль в формировании новых доктринальных подходов к институту основных прав и свобод человека и гражданина и механизмам их обеспечения, в конституционном обосновании, актуализации их нормативного содержания на новом этапе государственно-правового развития России, а в конечном счете и в утверждении приоритетов конституционных ценностей»³².

Действительно, в современных условиях глобализации роль конституционного правосудия как никогда велика, посредством деятельности Конституционного Суда возможно адаптировать текст Конституции к стремительно эволюционирующим общественным отношениям, что относится в том числе и в полной мере к содержанию права на частную жизнь.

Модернизация права на частную жизнь отражается не только в Конституции, но и в отраслевом законодательстве. Так, был внесен ряд соответствующих изменений в федеральные законы «О персональных данных», «Об информации, информационных техно-

³² Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005. С. 4.

логиях и о защите информации», Кодекс РФ об административных правонарушениях и др., подверглась трансформации практика судов общей юрисдикции³³.

³³ См., например, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2016), № 4 (2017), № 2 (2017).

В дальнейшем влияние концепции «широкого» толкования права на частную жизнь повлечет усиление процессов преобразования в отечественном праве, что предполагает необходимость дальнейшего исследования затронутой в настоящей статье проблематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Halpérin J.-L. Protection de la vie privée et privacy: deux traditions juridiques différentes? // Les Nouveaux Cahiers du Conseil Constitutionnel. 2015. No. 48. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-48/protection-de-la-vie-privee-et-privacy-deux-traditions-juridiques-differentes.143876.html>.

Mazeaud P. Libertés et ordre public. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/publications/contributions-et-discours/2003/libertes-et-ordre-public.144093.html>.

Peters A. Rechtsordnungen und Konstitutionalisierung: Zur Neubestimmung der Verhältnisse // Zeitschrift für öffentliches Recht. 2010. Nr. 65.

Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005.

Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М., 2006.

Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4.

Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. М., 2015. № 5.

Брежнев Л. И. Доклад на XXV съезде КПСС. Съезд 25-й. Стенографический отчет. 24 февраля—5 марта 1976 г. М., 1976.

Витрук Н. В. Общая теория правового положения. М., 2008.

Гомиен Д. Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека. Совет Европы, 2000.

Джефферсон Т. О демократии. СПб., 1992.

Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М., 2001.

Конституционное право и политика: сб. матер. междунар. науч. конф.: Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 28—30 марта 2012 г. / Авакьян С. А., Агапов Д. С., Акуев Н. И. и др.; отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2012.

Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие. М., 2001.

Овсепян Ж. И. Методологическая природа предназначения науки и отрасли конституционного права и практики конституционализма в общей системе отраслей права, юридической науки и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1.

Попандопуло О. А. Правовая социализация личности в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2015.

Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002.

Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Социальные функции права (основные общественные функции права). Хрестоматия по теории государства и права / под общ. ред. И. И. Лизиковой. М., 2009.

Тарло Е. Г. Право на частную жизнь в России // Закон. 2007. № 3.

Эбзеев Б. С., Чуров В. Е. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М., 2015.